

А.А. Шамарина

Проблема «инаковости» в творчестве Октавио Паса и Антонио Мачадо

Аннотация: В статье анализируется категория инаковости в творчестве Октавио Паса и Антонио Мачадо, занимающая центральное место в системе философско-эстетических представлений обоих поэтов. На основе исследования ключевых работ О. Паса и А. Мачадо утверждается смежность таких понятий, как «otredad» и «heterogeneidad», раскрывающих основные принципы взаимодействия Я и Другого. Кроме того, в статье прослеживается связь между теоретическими положениями, постулируемыми обоими авторами, и их фактическим воплощением в поэтическом тексте.

Ключевые слова: поэзия XX века, Антонио Мачадо, Октавио Пас, инаковость, Другой, диалог, гетероним

Abstract: The article is devoted to the category of otherness in the works of Octavio Paz and Antonio Machado, the core notion in the system of philosophical and aesthetic ideas of the poets. The analysis of key works of O. Paz and A. Machado shows the contiguity of such concepts as «otredad» and «heterogeneidad» and reveals basic principles of interaction between the Self and the Other. Of no less importance is the connection between theoretical propositions of the authors and their realization in the poetic texts.

Key words: poetry of the twentieth century, Antonio Machado, Octavio Paz, otherness, the Other, dialogue, heteronym

Антонио Мачадо и Октавио Пас – крупнейшие представители испаноязычной поэзии, получившие международное признание. Их личное знакомство состоялось в 1937 г., во время первой поездки Паса в Испанию, за два года до смерти Мачадо. Но их имена, разумеется, связывает нечто гораздо большее. Мачадо и Пас не просто поэты, а поэты-философы, на протяжении всей жизни выстраивающие свою философско-эстетическую систему, в центре которой проблема взаимодействия Я и Другого как в лирическом высказывании, так и в контексте отношений личности и мира.

В творчестве Мачадо эта проблема становится ключевой начиная с 1920-х гг., когда поэт впервые ставит перед собой задачу философского осмысления таких категорий, как Я и Другой, с самого начала игравших важную роль в его лирике. С точки зрения Мачадо, Я находится в постоянном диалоге с Другим, и именно это неперемное условие его пребывания в мире. При этом Я и Другой являются противоположностями друг друга («Busca a tu complementario, / que marcha siempre contigo, / y suele ser tu contrario»¹), и именно поэтому они друг друга дополняют – принцип, очевидно близкий интегрирующему мышлению Паса.

Над оппозицией Я и «Другого Мачадо начинает задумываться еще в Базе, о чем свидетельствуют записи из рабочих тетрадей, объединенных под названием «Дополнения» («Los complementarios»). Ключевым элементом этой оппозиции становится язык, в том числе язык лирического высказывания. В 1923 г. Мачадо пишет эссе «Проблемы лирической поэзии» («Problemas de la lírica»), в котором утверждает, что именно язык – даже в большей степени, чем чувство, – связывает человека с окружающим миром: «...Pero el lenguaje es ya mucho menos mío que mi sentimiento. Por de pronto, he tenido que adquirirlo, aprenderlo de los demás. Antes de ser nuestro, porque mío exclusivamente no lo será nunca, era de ellos, de ese mundo que no es ni objetivo ni subjetivo, de ese tercer mundo en que todavía no ha reparado suficientemente la psicología, del mundo de los otros yos»². Почти пятьдесят лет спустя Пас продолжает эту мысль, так же воспринимая язык как залог «инаковости» поэтического видения, утверждая, что «el sujeto (de la poesía. – А.Ш.) es una cristalización más o menos fortuita del lenguaje»³: как и Мачадо, Пас убежден, что «язык не принадлежит нам: мы ему принадлежим»⁴.

В центре новой поэтики и философии Мачадо – принцип «гетерогенности»⁵ человеческого бытия. В 1926 г. Мачадо публикует в «Ревиста дель Оксиденте» свои размышления на поэтические и философские темы, первая часть которых образует так называемый «Апокрифический песенник» («De un cancionero apócrifo»). Эти размышления два года спустя войдут в очередное издание полного собрания стихотворений Мачадо, сразу после «Новых песен» («Nuevas canciones»): с этого момента традиционно будет соблюдаться разделение на две части: «Апокрифический песенник Абея Мартина» («Cancionero apócrifo de Abel Martín») и «Апокрифический песенник Хуана де Майрены» («Cancionero apócrifo de Juan de Mairena»).

Стремясь уйти от монолога, Мачадо раскладывает свой голос на несколько голосов, и его поэзия становится по-настоящему «полифоничной», наиболее полно раскрывая заложенный в ней принцип диалогизма. Абель Мар-

¹ Цит. по: *Abel Martín*. Revista de estudios sobre Antonio Machado. URL: http://www.abelmartin.com/guia/antol/nc_3.html

² Цит. по: *Abel Martín*. Revista de estudios sobre Antonio Machado. URL: <http://www.abelmartin.com/guia/segovia.html>.

³ *Paz O*. Los hijos del limo: del romanticismo a la vanguardia. Barcelona: Seix Barral, 1974. P. 207.

⁴ Цит. по: *Кофман А.Ф.* Октавио Пас // История литератур Латинской Америки. Кн. 5. Очерки творчества писателей XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 373.

⁵ «La esencial Heterogeneidad del ser», см.: *Machado A.* Juan de Mairena, I. Madrid: Cátedra, 2009. P. 85.

тин и Хуан де Майрена – гетеронимы Мачадо (или «арócrifos», как их называет поэт) – отражают разные ипостаси его философско-эстетического мировидения, и в их диалектическом взаимодействии лирическое «я» Мачадо получает возможность максимально полно выразить себя через диалог с «другим» (или даже с «другими») в себе. Всего Мачадо создает 15 гетеронимов, включая «апокрифического» Антонио Мачадо, имя которого сопровождается следующим замечанием: «Algunos lo han confundido con el célebre poeta del mismo nombre, autor de Soledades, Campos de Castilla, etcétera»¹.

Интересно проследить, как именно Мачадо строит отношения со своими гетеронимами и каким образом они соотносятся с его лирическим субъектом. Любопытно, например, что Хуану де Майрене Мачадо отдает цикл «Механические строфы» («Coplas mecánicas»), который тот, в свою очередь, приписывает еще одному выдуманному персонажу – Хорхе Менесесу, а точнее, изобретению Менесеса – «Машине песен» («Máquina de Trovar»). Благодаря такой ступенчатой переадресации дистанция между Мачадо и его текстом не только увеличивается, но и наполняется новыми диалогическими связями. Вместе с тем во многих других стихотворениях «песенника» эта дистанция сокращается, и Я гетеронимов становится практически неотличимым от Я Мачадо. Так, мироощущение умирающего Абея Мартин в стихотворениях Майрены в определенной степени отражает мироощущение самого Мачадо, инициирующего диалог, обращенный в прошлое:

...Era
mi cuerpo juvenil, el que subía
de tres en tres peldaños la escalera.
–Hola, galgo de ayer. [...]
¿Tú conmigo, rapaz?
– Contigo, viejo².

В стихотворении не просто появляется образ поэта в молодости – происходит удвоение лирического голоса. Я из прошлого окажется тем самым Другим, который позволит настоящему Я раскрыть себя в диалоге. Показательно, что образы, наполняющие стихотворение, берут свое начало в самой ранней лирике Мачадо. Так, образ таинственной незнакомки, стоящей у смертного одра Абея Мартина, вполне сознательно связывается Мачадо с образом таинственной спутницы из «Одиночеств» («Soledades»):

Y vio la musa esquiva,
de pie junto a su lecho, la enlutada,
la dama de sus calles, fugitiva,
la imposible al amor y siempre amada³.

¹ *Abellán J.L.* La filosofía de Antonio Machado y su teoría de lo apócrifo // *El Basílico*. №7, mayo-junio 1979. P. 81.

² *Machado A.* Poesías completas. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975. P. 350.

³ *Ibid.* P. 367–368.

Примечательно, что в качестве предисловия к своей первой прозаической книге «Лабиринт одиночества» («El laberinto de la soledad», 1950) Пас выбирает эпиграф из «Апокрифического песенника Хуана де Майрены»: «*Lo otro no existe: tal es la fe racional, la incurable creencia de la razón humana. Identidad = realidad, como si, a fin de cuentas, todo hubiera de ser, absoluta y necesariamente, uno y lo mismo. Pero lo otro no se deja eliminar; subsiste, persiste; es el hueso duro de roer en que la razón se deja los dientes. Abel Martín, con fe poética, no menos humana que la fe racional, creía en lo otro, en “La esencial Heterogeneidad del ser”, como si dijéramos en la incurable otredad que padece lo uno*»¹. Более того, Пас, как и Мачадо, склонен интерпретировать эту изначальную гетерогенность бытия не только в абстрактно-онтологическом ключе, но и как основополагающий принцип существования поэзии, суть которого в сборнике «Круговращение знаков и другие очерки» («Los signos en rotación y otros ensayos», 1971) он определяет как «поиск других» и «обнаружение инаковости», утверждая, что только поэзия способна примирить монолог с диалогом, уравновесив преобладание Другого в монологе и Я в диалоге: «*La poesía no dice: yo soy tú; dice: mi yo eres tú. La imagen poética de la otredad*»². Показательно, что об этом же говорит Мачадо, на протяжении нескольких десятилетий последовательно воплощавший эту идею в своем творчестве:

El ojo que ves no es
ojo porque tú lo veas;
es ojo porque te ve³.

В поэзии Паса тема взаимоотношений Я и Другого / Других так же занимает центральное место. Почти манифестом звучат следующие строки из поэмы «Piedra de sol» (1957):

...para que pueda ser he de ser otro,
salir de mí, buscarme entre los otros,
los otros que no son si yo no existo,
los otros que me dan plena existencia...⁴

Гораздо позже, в сборнике «Отщепенцы: от романтизма к авангарду» («Los hijos del limo: del romanticismo a la vanguardia», 1974) Пас обращается к проблеме субъекта лирического высказывания в современной поэзии в целом, утверждая, что поэтическое произведение не замкнуто на самом себе, а голос поэта – это не голос отдельной личности, а голос, растворенный в своей «инаковости»: «*El poeta desaparece detrás de su voz, una voz que es suya porque es la voz del lenguaje, la voz de nadie y la de todos. Cualquiera que sea el*

¹ Machado A. Juan de Mairena, I. Madrid: Cátedra, 2009. P. 85.

² Paz O. Los signos en rotación. Madrid: Fórcola Ediciones, 2011. P. 69–70.

³ Machado A. Poesías completas. P. 296.

⁴ The Collected poems of Octavio Paz: 1957–1987 / Ed. by E. Weinberger. New York: New Directions, 1991. P. 28–30.

nombre que demos a esa voz – inspiración, inconsciente, azar, accidente, revelación, – es siempre la voz de la otredad»¹.

С точки зрения Паса, ключевая проблема человеческого существования – это внутренняя немота, самозамкнутость, отсутствие коммуникации с миром:

El hombre está habitado por silencio y vacío.
¿Cómo saciar esta hambre,
cómo acallar este silencio y poblar su vacío?
¿Cómo escapar a mi imagen?
Sólo en mi semejante me trasciendo,
Sólo su sangre da fe de otra existencia².

И, как и Мачадо, Пас видит единственный возможный выход из этого вынужденного вакуума в диалоге: найти себя (или, наоборот, уйти от себя?) человек может либо посредством поиска «другого» голоса в поэзии и диалога с этим Другим, либо через построение отношений с Другим в рамках любовного союза, отношений между мужчиной и женщиной. В эссе «Диалектика одиночества» («La dialéctica de la soledad») Пас утверждает: «El hombre es nostalgia y búsqueda de comunión. Por eso cada vez que se siente a sí mismo se siente como carencia de otro, como soledad»³. Спасть от этого одиночества можно только через обретение Другого, а именно женщина осознается мужчиной как максимально «другое» существо: «La mujer siempre ha sido para el hombre “lo otro”, su contrario y complemento. Si una parte de nuestro ser anhela fundirse a ella, otra, no menos imperiosamente, la aparta y excluye»⁴. Именно любовь как высшая форма диалога, с точки зрения Паса, позволяет мужчине увидеть в женщине не объект любовной страсти, а полноценный субъект, отношения с которым воспринимаются как отношения мистические, овеянные тайной. Та самая «единственная женщина» превращается, по словам Паса, в «окно в Абсолют», в то время как влюбленную пару – мужчину и женщину – он помещает в центр мироздания, способный генерировать новые вселенные: «El amor está compuesto de contrarios pero que no pueden separarse y que viven sin cesar en lucha y reunión con ellos mismos y con los otros. Estos contrarios, como si fuesen los planetas del extraño sistema solar de las pasiones, giran en torno a un sol único. Este sol también es doble: la pareja. Continua transmutación de cada elemento: la libertad escoge servidumbre, la fatalidad se transforma en elección voluntaria, el alma es cuerpo y el cuerpo es alma. Amamos a un ser mortal como si fuese inmortal»⁵. Именно на этом, пожалуй, строится вся любовная лирика Паса и в том числе одно из его самых известных стихотворений – «Carta de creencia»:

¹ Paz O. Los hijos del limo: del romanticismo a la vanguardia. P. 207.

² Paz O. Libertad bajo palabra. México: Tezontle, 1949. P. 19.

³ Paz O. El laberinto de la soledad. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 1998. P. 82.

⁴ Ibid. P. 83.

⁵ Paz O. La llama doble: Amor y erotismo. Barcelona: Seix Barral, 1993. P. 131.

Amor:
reconciliación con el Gran todo
y con los otros,
los diminutos todos
innumerables.
Volver al día del comienzo.
Al día de hoy.
La tarde se ha ido a pique.
Lámparas y reflectores
perforan la noche.
Yo escribo:
hablo contigo:
hablo conmigo¹.

Образ возлюбленной-собеседницы, разговор с которой становится путеводной нитью для лирического «я» поэта, открывающей ему возможность диалога с самим собой, разумеется, не может не вызывать в памяти образ Леонор из сборника «Поля Кастилии» («Campos de Castilla») Мачадо. В 1912 г. Леонор Искьердо, юная жена поэта, умирает от скоротечного туберкулеза. Мачадо крайне тяжело переживает эту трагедию, но утрата живого диалога с возлюбленной приводит поэта к его сублимации в пространстве поэтического текста. Именно Леонор становится главным собеседником Мачадо, Другим его лирического «я»:

¿No ves, Leonor, los álamos del río
con sus ramajes yertos?
Mira el Moncayo azul y blanco;
dame tu mano y paseemos².

Именно через диалог Мачадо стремится найти выход из безмолвия одиночества, с которым он сталкивается лицом к лицу после смерти Леонор:

¡Oh soledad, mi sola compañía,
oh musa del portento, que el vocablo diste
a mi voz que nunca te pedía!
Responde a mi pregunta:
¿con quién hablo?³

И для Мачадо, и для Паса любовь, как и поэзия, диалогична по своей природе. Примечательно, что в философии Паса точкой пересечения любви и диалога, поэзии и диалога, любви и поэзии снова оказывается язык: эротизм (как одна из ключевых, с его точки зрения, ипостасей любви) и поэзия теснейшим образом связаны причудливой диалектической связью: «La relación entre erotismo y poesía es tal que puede decirse, sin afectación, que el primero es una poética corporal y que la segunda es una erótica verbal. (...) La imagen poética es abrazo de realidades opuestas y la rima es cópula de sonidos; la poesía erotiza al

¹ Paz O. *Obra poética II* (1969–1998). México: Fondo de Cultura Económica, 2004. P. 180.

² Machado A. *Poesías completas*. P. 216.

³ Ibid. P. 328.

lenguaje y al mundo porque ella misma, en su modo de operación, es ya erotismo. Y del mismo modo: el erotismo es una metáfora de la sexualidad animal»¹. Связь между любовью и поэзией носит метафорический характер, ведь сам язык, с точки зрения Паса, является метафорой в действии («El lenguaje es poesía en estado natural. Cada palabra o grupo de palabras es una metáfora. Y asimismo es un instrumento mágico, esto es, algo susceptible de cambiarse en otra cosa y de transmutar aquello que toca...»²), что в очередной раз демонстрирует его связь с категорией «инаковости»: метафора, соединяя явления разного порядка, образует диалектическое единство, потенциально открытое диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

Кофман А.Ф. Октавио Пас // История литератур Латинской Америки. Кн. 5. Очерки творчества писателей XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Abel Martín. Revista de estudios sobre Antonio Machado. URL: http://www.abelmartin.com/guia/antol/nc_3.html

Abellán J.L. La filosofía de Antonio Machado y su teoría de lo apócrifo // El Basílico, № 7, mayo-junio 1979.

Machado A. Juan de Mairena, I. Madrid: Cátedra, 2009.

Machado A. Poesías completas. La Habana: Editorial Arte y Literatura, 1975.

Paz O. El arco y la lira. México: Fondo de Cultura Económica, 1992.

Paz O. El laberinto de la soledad. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 1998.

Paz O. La llama doble: Amor y erotismo. Barcelona: Seix Barral, 1993.

Paz O. Libertad bajo palabra. México: Tezontle, 1949.

Paz O. Los hijos del limo: del romanticismo a la vanguardia. Barcelona: Seix Barral, 1974.

Paz O. Los signos en rotación. Madrid: Fórcola Ediciones, 2011.

Paz O. Obra poética II (1969–1998). México: Fondo de Cultura Económica, 2004.

The Collected poems of Octavio Paz: 1957–1987 / Ed. by E. Weinberger. New York: New Directions, 1991.

Сведения об авторе:
Анастасия Алексеевна Шамарина,
канд. филол. наук,
старший преподаватель
кафедры иберо-романского языкознания
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia A. Shamarina
PhD

¹ *Paz O.* La llama doble: Amor y erotismo. P. 10.

² *Paz O.* El arco y la lira. México: Fondo de Cultura Económica, 1992. P. 34.

Senior Lecturer
Department of Ibero-Romance Linguistics
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
al.anastasia@gmail.com